

ВЫ П И С К А

12

из обзорной справки о нарушениях социалистической законности в органах ОГПУ-НКВД Камчатской области за период 1931-1939 годов.

За последние годы Управлением КГБ по Камчатской области проделана значительная работа по пересмотру архивно-следственных дел на лиц, которые ранее были необоснованно осуждены по обвинению в контрреволюционных преступлениях. С 1955 года по настоящее время проверкой (в порядке ст.ст 373-378 УПК РСФСР) закончено архивно-следственных дел на 517 человек, подавляющее большинство посмертно реабилитированы. При проверке дел установлены факты грубейших нарушений социалистической законности, фальсификации следственных материалов и искусственного создания различных контрреволюционных организаций. От нарушения законности и произвола погибли сотни ни в чем неповинных советских граждан.

В 1931 году на Камчатке было сфальсифицировано так называемое "Тигильское дело", по которому проходило свыше 70 человек. Затем, вслед за этим делом на свет появилась "Автономная Камчатка", а в 1937-1938 гг. различные контрреволюционные организации под всевозможными названиями и вывесками; как-то: "Контрреволюционная Латышская", "Немецко-фашистская", "Польская организация войскова", "Право-троцкистская" и т.д. и т.п. ...

... Весной 1937 года вновь посыпались аресты, в основном советско-партийного и хозяйственного актива области.

22 апреля 1937 года в гор. Петропавловске-Камчатском у себя на квартире выстрелом в висок кончил жизнь самоубийством начальник акционерного Камчатского общества (АКО) Адамович Иосиф Александрович, 1894 года рождения, член партии с января 1918 года.

В связи с фактом самоубийства Адамовича по указанию вышестоящих органов было проведено расследование с целью выяснения причин, побудивших Адамовича к совершению такого акта.

Из имеющихся в следственном деле материалов видно, что Адамович И.А. в годы гражданской войны занимал ряд ответственных командных постов в Красной Армии, в 1924-1927 гг. был председателем Совнаркома Белорусской ССР, затем с 1927 по 1932 гг. включительно возглавлял "Главсахартрест" и одновременно был зам. Наркомснаба СССР, с 1933 г. по день смерти работал начальником АКО.

Самоубийство Адамовича произошло в период, когда проходила городская партконференция, где Адамович подвергался суровой критике за недостатки в хозяйственной деятельности, а также ему были заданы ряд вопросов о его знакомстве и прошлых связях с троцкистами: Радеком, Бухариным,

Аркусом, Ягломом, Путна и другими, на которые Адамович дал обстоятельные ответы, но они не удовлетворили некоторых делегатов конференции и Адамовичу было предложено о связях с троцкистами выступить вторично и подробно доложить о своих связях с Бухариным и другими, которые к тому времени были осуждены по процессу право-троцкистского блока.

Адамович во время перерыва партконференции, придя домой, на конференцию больше не вернулся, а, закрывшись в комнате, застрелился.

В личных записях, которые он делал в последние дни жизни, а также в записке, написанной перед смертью, Адамович сетует на то, что вокруг него создана стена недоверия и его травят. В предсмертной записке он писал:

"Каков же итог? А итог таков - имею стену недоверия. Это я слышу на партконференции. Это я вижу в разговорах со мной. Тоже было на пленуме крайкома. Решение крайкома по ремонту танкера Дальзавод срывает, а это означает, что в начале путины будут затруднения. Все будут показывать пальцем на меня. Я же, благодаря доверию людям и своей беспечности и слепоты хозяйство не только не вытянул в гору, в отдельных звеньях действительно довел до худого результата, и давалась возможность вредителям вредить у меня под носом. Надо сейчас круто и быстро со всеми этими явлениями покончить. Но у меня не хватит, я вижу, сил, ибо стена недоверия возрастает.

Плохо, что я в Москве (хотя там все знали о моих знакомствах с теперешними врагами народа) об этом не заявил в ЦК и это было бы быстрее проверено и все, ибо моя партийная совесть чиста. В этом моя ошибка. Но такая стена недоверия мне в условиях трудностей с подготовкой путины не по плечу, отсюда мой непартийный выход. Простите мне за это, дорогой и любимый товарищ Сталин и товарищ Микоян. Простите товарищи камчатские партийцы. Простите мне за мою вину, ибо я не тот, которым многие теперь считают, а малодушный. Ибо у меня не хватило сил доказать мою партийную чистоту путем проверки и выдержки довести до конца".

Жена Адамовича-Шамардина С.С., работавшая в то время зав.отделом в обкоме партии, на следствии показала:

"21 апреля Адамович рассказал мне, что прокурор Зверев во время партконференции обратился к нему со следующими словами:

"Скажи откровенно, Иосиф, если тебя взять и допросить как следует о твоих связях с Радеком и Путна и о вредительстве, скажешь ли ты больше того, что сказал на конференции. Нам известно, что вредители сидели по нескольку месяцев и ничего не говорили, а потом все же рассказали о своей контрреволюционной работе". Адамович на это ему ответил: "Получи санкцию и действуй".

И далее она говорит:

"Товарищи, которые были на конференции, видели как напряжены у него были нервы. Выступление военного Волкова и аплодисменты при предложении об исключении Адамовича из партии. Демагогические, никем не сдерживаемые выкрики о

суде, о том, что он вредитель, троцкист, правый оппортунист и т.д. - вся эта нарастающая линия необоснованных тягчайших обвинений и, наконец, разговор со Зверевым и ранее с секретарем обкома Орловым, высказавшемся в том же духе, морально убили Адамовича. Нечего ему было скрывать от партии, не виновен он своей жизнью перед партией. Виновен только смертью".

Шамардина в прошлом занимала ряд ответственных руководящих постов в системе Наркомпроса и других ведомств. В течение 15-летней совместной жизни с Адамовичем постоянно находилась с ним вместе. О связях Адамовича с Радеком, Бухариным, Аркусом, Путна Шамардина показала, что знакомство с ними было на почве служебного долга в период, когда Адамович был председателем Совнаркома Белоруссии, а затем председателем "Союзсахартреста", что личных связей он с ними не поддерживал. Шамардина категорически утверждала, что Адамович троцкистом никогда не был и вредительской деятельностью не занимался, а был честным и преданным партийцем.

В следственном деле на Адамовича материалов, свидетельствующих о наличии контрреволюционной организации на Камчатке, и данных, что Адамович проводил какую-либо контрреволюционную работу на Камчатке, не имеется.

Самоубийство Адамовича наэлектризовало обстановку на Камчатке до крайности. Дело в том, что после проведенных процессов над троцкистами в августе 1936 и начале 1937гг. значительно повысилась бдительность у советских граждан к проискам агентов международного империализма, но вместе с этим у отдельных руководителей появилась излишняя мнительность и подозрительность, и каждый факт хозяйственных недостатков эти руководители расценивали как акты "вредительства", видя в каждом подчиненном и начальнике свыше "контрреволюционера", "белогвардейца", "вредителя", "диверсанта" и т.д. Надо сказать, что в органах НКВД находились сотрудники, которые пользовались этими моментами и в своей деятельности руководствовались не партийным подходом к делу, а чувством собственной корысти, чувством карьеризма и т.п. После самоубийства Адамовича на Камчатку сразу же прибыла оперативная группа во главе с помощником начальника 3 отдела УНКВД по ДВК капитаном госбезопасности Чернышевым, которая начала проводить репрессивные меры по отношению советско-партийного и хозяйственного аппарата Камчатской области.

Как сказано было выше, что никаких материалов, свидетельствующих о наличии на Камчатке право-троцкистской организации, при расследовании дела Адамовича добыто не было. Однако Чернышев и подчи-

ненные ему оперативные работники решили "открыть" такую организацию другим путем. Они арестовали ряд хозяйственных руководителей и путем уговоров, угроз и применением мер физического воздействия добились от них показаний, что на Камчатке существовала контрреволюционная организация во главе с Адамовичем, а сам факт самоубийства Адамовича был представлен в другом свете, что он якобы покончил с собой из-за боязни разоблачения. По протоколам арестованных Адамович проводился как руководитель контрреволюционной организации. Надо отметить одну характерную деталь, что метод ведения следствия, приемы обработки арестованных, "метода" составления протоколов была той же самой, что и при проведении следствия по делу "Автономная Камчатка".

Арестованный 8 мая 1937 года начальник планового отдела АКО Бучель показал, что он "подозревает" о наличии на Камчатке правотроцкистской организации. "По моим личным выводам я считаю входящими в руководящий центр: Адамовича (нач.АКО), Орлова В.В. (1-й секретарь обкома), Смирнова Н.Н. (начальника Акоснабторга) и т.д."

Сохранившиеся черновые записи Бучель и оперативных работников свидетельствуют, что Бучель использовался в период следствия как провокатор, оговорив многих видных руководящих работников области, а также и центра.

Как проводилось расследование в тот период, видно из докладной записки начальника УНКВД по Камчатской области Лепина, которую он писал в августе 1937 года за № 01/132:

"Заместителю начальника УНКВД по ДВК комиссару госбезопасности 3 ранга т.Западному.

Хочу коротко сообщить Вам общее впечатление о результатах следствия по делу вскрытой контрреволюционной троцкистской организации. На сегодня следствие имеет относительные успехи (из 41 арестованных сознались 24). Но в отличие от Шмидтовского дела, где сперва были заполучены показания от руководителей контрреволюционной организации, а затем взялись за "среднячков", здесь мы имеем обратную картину. Объясняется это, во-первых, тем, что руководитель контрреволюционной организации ускользнул от следствия, а остальные - Торопов и Орлинский сравнительно недавно арестованы, а Никитинных из-за отсутствия от Вас санкции еще не арестован. Во-вторых, арестованные ранее "соратники" Адамовича - Рябов, Смирнов, Гольберг оказывают следствию бешеное сопротивление. Кроме упорства и запирательства не мало успешному развертыванию следствия мешает дикая тюремная обстановка, исключая элементарные условия изоляции. В 6-ти камерах, максимально рассчитанных на 24 человека, сидят 40 человек.

Переходя к оценке уже имеющихся показаний обвиняемых имеем следующее положение:

1. Достаточно полной, глубоко проливающей свет на всю структуру контрреволюционной организации с точки зрения её разветвления на периферии и контрреволюционного руководства сверху, картины еще не имеем.

По показаниям Бучеля установлено, что Адамович по контрреволюционной работе был связан с Аркусом и Яглом, другие центральные линии контрреволюционных связей пока не установлены.

Конечно, саморасстрел Адамовича многое в этой области с ним унес в подземелье. Этот пробел должен компенсировать Торопов и Никитиних, в особенности первый.

Задержка полного вскрытия контрреволюционного формирования заключается в том, что основное руководство (Торопов, Смирнов) еще не сознались. Правда, за последнюю пятидневку получили первичные показания Гольдберга (заместитель Торопова) и Лифанова (бывш.нач.Акоснаборга) и близок к сознанию Смирнов. Для полного вскрытия структуры контрреволюционной организации форсируем получение откровенных показаний Смирнова и Торопова.

Для примера над Гольдбергом упорно работали 50 суток и только последние 10 суток особо упорной работы дали некоторые результаты. Гораздо больше времени затрачено над Смирновым, он только близок к сознанию".

А вот пример, как фальсифицировались дела:

"8 августа 1937 года я был арестован органами НКВД Камчатской области. Через дня три в комнату следователя пришел капитан Чернышев, послал куда-то следователя Дегтярева, а мне говорит - "Вам необходимо, Селиванкин, подписать протокол о том, что вы являетесь членом организации.

На следующий день капитан Чернышев предложил мне вписать в протокол лиц, которые состоят в организации (по его словам), Торопова, Смирнова, Бучеля и пр., всего 8 человек. Кроме того, я должен с каждого комбината АКО вписать еще в качестве членов организации человека по три. Я ему сказал, что я никого не знаю, кто бы из комбинатовских состояли бы в организации. Это неважно, берите более ценных работников, лучше из старожилов. Но ведь это составит человек 40-60, арест их вызовет удар по производству. Наше дело, Селиванкин, не рассуждать, а выполнять, наше начальство лучше знает, что делать. Чем сильнее будет развернута эта работа здесь на Камчатке, тем лучше, вот данная мне директива. Завтра, когда вас вызовет следователь, у вас, как бы случайно на столике окажутся отобранные у вас при аресте записные тетради и книжки. Вы впишите в одну из них эти фамилии из комбинатов, а потом при допросе на вопрос следователя, что означают эти фамилии в записной книжке, отобранной у вас при обыске, вы покажите, что это члены организации, с которыми вы должны были связаться по заданию Адамовича и с его слов, записанные в книжке.

На следующий день случилось все так, как говорилось. Но в книжки фамилии я не вписал, считая, что со мной может что-либо случиться, а этим лицам, вписанным, трудно будет оправдаться: решил никого из таких не писать. На указанных Чернышевым лиц мне были следователем показаны ответы их, подтверждающие, что они члены организации, а в конце протокола и этой страницы их собственноручные подписи. После этого я включил их в свой протокол. Очень трудно мне было выдумать в отношении себя такие факты, которые свидетельствовали бы о моей контрреволюционной работе, но, узнав, что ничто не проверяется, я решил не-

сколько действительных фактов указать наоборот, решив, что наверное каким-либо способом моим делом заинтересуется Микоян или кто-либо поставит его об этом в известность. Тогда при разборе фактов он увидит прямую ложь. Там, где были распоряжения наркома, я писал обратное, где не было, писал, что было. Вернувшись в камеру, я попросил коменданта...

Часа через два я был вызван в кабинет к начальнику УГБ капитану Лепину, где был комбриг Лев и капитан Чернышев. Здесь я заявил, что мною подписаны ложные протоколы". (Архивно-следственное дело № 975263 на Селиванкина В.А.).

Селиванкин до ареста работал начальником финансового Управления АКО, в прошлом занимал ряд ответственных постов в Москве, в 1930 году Секретариатом ЦК КПСС был направлен на работу на Дальний Восток. С 1935г. работал на Камчатке.

Казалось бы начальник Управления Лев должен был бы принять меры к проверке заявления Селиванкина, но Лев оставил это предупреждение без внимания, вероятно, побоявшись испортить свои отношения с Чернышевым, а возможно из-за трусости, ибо с согласия Льва к этому времени было арестовано значительное число хозяйственных руководителей Камчатки, обвиняемых во вредительстве и главным образом в принадлежности к право-троцкистской организации. Впоследствии Лев сам стал жертвой выдуманной им контрреволюционной организации, он был проведен по показаниям как участник этой организации и расстрелян.

За период командировки Чернышева на Камчатке был арестован весь руководящий состав советско-партийного аппарата, включая секретарей обкома, горкома, райкомов.

Впоследствии выяснилось, что Чернышев оказался авантюристом и за преступную, явно вредительскую деятельность, Военным трибуналом в 1940 году был осужден на 12 лет ИТЛ. В период отбывания наказания совершил новое преступление и по ст.109 УК РСФСР вторично осужден. С 1940 по 1956г.г. Чернышев содержался в лагерях в г.Магадане, а в настоящее время работает экспедитором по развозке хлеба в одном из лагерей г.Магадана.

Ажиотаж, созданный Чернышевым на Камчатке и по ДВК, имел не только местное, но и союзное значение.

В обвинительном заключении по делу Чернышева и других сотрудников УНКВД по ДВК (всего 7 человек) сказано следующее:

"Производили необоснованные аресты, а также аресты по провокационным материалам, или же лично сфабрикованными, невинно арестованных граждан и военнослужащих подвергали физическим истязаниям, входили во всевозможные сделки с арестованными и по создаваемым таким образом делам подводили под расстрел невинных граждан СССР.

Применяя вражеские методы в следствии, привлеченные по данному делу, в протоколах допросов арестованных искусственно создавали разные несуществующие контрреволюционные организации, связывали в протоколах допросов участников этих организаций с разведками иностранных государств и сознательно дезинформировали центральные органы нашего государства о политическом состоянии края и РККА. В протоколах допросов арестованных протаскивали фашистскую агитацию о непобедимости империалистического государства и, наоборот, клеветали на Советский Союз и Красную Армию. Провокационно вписывали в протоколы допросов арестованных заявления о том, что командный состав целых корпусов РККА является заговорщическим, что в случае конфликта с японцами то или иное войсковое соединение изменит и перейдет на сторону противника, что наш пограничный флот и корабли ТОФа будут уведены и сданы японцами. Вся эта фашистская клевета соответствующим образом обрабатывалась и сообщалась центральным советским органам".

Так, начальник политсектора АКО Орлинский-Крипс А.Р. до 1924 года занимал должность зам. начальника Главного Политического Управления Красной Армии, в 1924-1925г.г. работал Генеральным секретарем Осоавиахима Союза ССР, в 1928-1934г.г. редактором ТАСС, с 1935 года начальником политсектора АКО.

Естественно, что Орлинский имел значительное число знакомых, занимавших в Москве и других пунктах Союза различные руководящие посты, которые им были на следствии названы в числе знакомых, а Чернышев превратил их в участников право-троцкистской организации.

Для получения признательных показаний Чернышев и его сподручные не останавливались ни перед чем. Чернышев и другие сотрудники УНКВД от Первого секретаря Камчатского обкома партии Орлова В.А. добились собственноручного заявления такого содержания:

"Москва, Секретарю ЦК ВКП(б) и Наркомвнутдел СССР Ежову Н.И. Арестованный Управлением НКВД по ДВК гор.Хабаровска по делу право-троцкистского контрреволюционного заговора на Камчатке, я, как бывший секретарь Камчатского обкома ВКП(б) признаю себя виновным в участии в право-троцкистском заговоре против Советской власти на Камчатке и обязуюсь чистосердечно показать и рассказать все о своей и других, известных мне членов контрреволюционной работе.

В.Орлов, быв.член ВКП(б) с сентября 1918г."

Такое заявление (выбитое) в руках работников НКВД превращалось в своего рода доказательство и оно было использовано для прикрытия преступных действий сотрудников УНКВД по ДВК.

Через некоторое время после этой телеграммы Орлов писал в жалобе:

"...непрерывные допросы, морозный душ, наручники, пытки, истязания... вынужден писать со слов следствия нужные им показания... я не знаю, что ждет меня впереди... меня бьют неизвестно за что".

Изложенные в жалобе Орлова факты применения к нему мер физического воздействия подтвердил бывший сотрудник УНКВД Евлахов, который на допросе 2 октября 1939 года показал:

"Осюнин (принимавший участие в допросах Орлова) мне заявил, что пока Орлова "лупят", он подтверждает, когда же не бьют, отказывается от своих показаний".

13 августа 1940 года Орлов на основании сфальсифицированных материалов был осужден Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, находясь в лагере, умер. В настоящее время по нашему представлению посмертно реабилитирован.

В начале 1938 года на Камчатку (взамен Чернышева) прибыла другая группа оперативных работников УНКВД по ДВК во главе с вновь назначенным начальником УНКВД Давыдовым (Лев - бывший начальник, был арестован 12 ноября 1937 года). Вступив на Камчатскую землю, Давыдов заявил, что он приехал "устанавливать Советскую власть на Камчатке". Все руководители областного масштаба были уже арестованы, но следствие по делам на них не было закончено.

Казалось бы надо разобраться и законным порядком внести ясность в положение того или иного арестованного, но Давыдов пошел дальше, превзойдя даже Чернышева.

Под маркой борьбы с контрреволюцией Давыдов и приехавшая с ним группа сотрудников стали беспощадно применять меры физического воздействия к арестованным, в результате показания арестованных стали острее, в том смысле, что якобы контрреволюционная организация стояла уже накануне вооруженного свержения Советской власти и только аресты вроде предотвратили это восстание.

Давыдов, Евлахов, Случанко и другие сами фальсифицировали протоколы допросов, составляя их в нужном направлении и вкладывали в них то содержание, которое хотели, а затем под физическим принуждением заставляли арестованных подписывать эти протоколы. Вписывали в протоколы фамилии и факты, о которых арестованные не имели даже понятия. Развернув такую "деятельность", Давыдов "вскрыл" так называемую "контрреволюционную националистическую латышскую организацию", которую якобы возглавлял не кто иной, как зам. начальника УНКВД по Камчатской области Лепин (до приезда Давыдова обязанности начальника УНКВД исполнял Лепин).

Произошел некоторый парадокс. Аресты латышей, проживавших на Камчатке, начались по инициативе самого Лепина, но поскольку Лепин сам латыш, Давыдов провел Лепина по показаниям арестованных, что он являлся организатором и руководителем этой контрреволюционной организации, арестовал его, а затем при помощи садистских методов добился от Лепина признательных показаний, что он "возглавлял контрреволюционную организацию".

Давыдов, Евлахов, Случанко арестовали 29 поляков, проживавших на Камчатке, создав так называемую контрреволюционную организацию "ПОВ" (польская организация войскова), во главе которой как организатора и руководителя изобразили председателя Военного трибунала войск НКВД Одольского, вынудив от него признательные показания о причастности его к этой организации. Многие поляки даже не знали друг друга в личность. Очные ставки составлялись "за глаза", т.е. следователи заранее составляли протоколы очных ставок, а затем вызывали по очереди обвиняемых и им давались подписывать протоколы. К тем, кто отказывался подписать, применяли принуждение и после соответствующей "обработки" протоколы подписывались.

Аналогичным образом Давыдовым, Случанко, Евлаховым были сфальсифицированы эсеровская организация на 20 человек и "немецкая фашистская" организация на 23 человека.

Если кто из сотрудников пытался возражать незаконным, преступным указаниям Давыдова или Евлахова, им угрожали арестом, угрожали провести по показаниям арестованных, заявляя, что малейшие возражения будут рассматриваться как нежелание бороться с контрреволюцией. Сотрудники УНКВД, проработавшие на Камчатке более 2-х-3-х лет арестовывались один за другим, а вслед за ними были арестованы руководящие начальники погранотряда.

Обстановка в Управлении НКВД была такова, что малейшие попытки противоречить Давыдову, Евлахову приводили к тому, что сотрудников проводили по показаниям, угрожали арестами и аппарат Управления НКВД был терроризирован.

4 мая 1938 года Давыдовым и Евлаховым была дана в Хабаровск шифровка о том, что дела на участников право-троцкистской организации в количестве 48 человек закончены и обвиняемые признали себя виновными. На самом деле, дела на них не только не были закончены, а арестованным даже не предъявлялось обвинение. На основании этой ложной телеграммы выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда

СССР под председательством Никитченко заочно, т.е. без наличия дел и без вызова обвиняемых в зал судебного заседания, вынесла приговор, осудив 40 человек к ВМН, а 8 человек к различным срокам наказания.

Получив телеграмму о решении суда, Евлахов (исполнял обязанности начальника) скрыл, что следствие по ним не закончено, а запросил Хабаровск лишь для уточнения, кто конкретно приговорен к ВМН. 11 июня 1938 года 40 человек советско-партийного и хозяйственного актива области были расстреляны, в числе их была женщина-заведующая отделом Петропавловского горкома партии Катушонок А.М.

Допущенный произвол со стороны группы сотрудников Камчатского управления не мог конечно оставаться незамеченным.

В сентябре 1938 года Давыдов был отстранен от занимаемой должности. Узнав, что на Камчатку едет комиссия по проверке жалоб о нарушениях социалистической законности, боясь ответственности за свои преступления, Давыдов 21 сентября 1938 года застрелился. Его помощник Евлахов и начальник отделения Случанко были арестованы и затем осуждены. В обвинительном заключении по их делу записано, что Давыдов, Евлахов, Случанко работу КОУ НКВД направляли:

- "1. На избиение честных советских граждан.
2. На вынуждение арестованных путем применения физических сил (конвейер, наручники, палки, сажание на острые концы табуретки копчиком, мордобой), давать провокационные показания о своем участии в различных контрреволюционных организациях и провокационно изобличать этим других честных советских граждан.
3. На фальсификацию провокационных протоколов, путем вписывания в эти протоколы фамилий и фактов, которых сам арестованный не называл и т.д."

В процессе пересмотра дел на лиц, по которым со стороны Давыдова и Евлахова допущены нарушения социалистической законности, установлена их невиновность и они были посмертно реабилитированы. А те работники, которые принимали участие в группе Давыдова, но не были привлечены к ответственности раньше, исключены из партии и уволены из органов.

Так, бывший сотрудник УНКВД по Камчатской области Гловов до 1958 года, работавший ст. оперуполномоченным учетно-архивного отдела УКГБ Краснодарского края, по решению Парткомиссии при ЦК КПСС исключен из партии и уволен из органов за допущенные в прошлом нарушения

социалистической законности и фальсификацию следственных дел.

Глотов в 1938 году, находясь в группе Давыдова, был одним из активных исполнителей преступных указаний своего начальника.

Нездоровая обстановка в 1937-1938г.г. была не только на Камчатке, но также и в Хабаровске, куда с Камчатки направляли арестованных для продолжения следствия. О порядке ведения следствия в Хабаровске и путях получения от арестованных "признательных" показаний свидетельствуют показания быв.врача Хабаровской тюрьмы Родичевой Т.В., допрошенной в 1939 году.

"В 1937 году я окончила мединститут, по окончании которого была направлена работать врачом в УНКВД. В сентябре 1937 года меня назначили врачом внутренней тюрьмы УНКВД Хабаровского края, где работаю по настоящее время. Обстановка для работы была ужасная и создавалось такое впечатление, что за 1937-1938гг. нужен ли был врач во внутренней тюрьме. Права и обязанности врача не определены, врач должен был выполнять все, что требует начальство и не мог вносить предложений по своим обязанностям. В отношении арестованных творился произвол. Начальники управлений часто менялись. Тюрьма была переполнена арестованными, из них было очень много больных, к больным в камеры ни врача, ни сестры не допускали. Причины заболеваний арестованных были от плохого питания и частых избиений, арестованных избивали в кабинетах следователей и в камеры приносили в синяках, врача же к ним не допускали.

Однажды быв.начальник тюрьмы Крумин разрешил осмотреть избитых арестованных и предложил мне составлять акты об избиении, но избиения участились и я два акта составила и передала Крумину, после чего его арестовали и опять запретили врачу осматривать избитых, вернее не допускали в камеры.

С приездом начальника УНКВД по ДВК Горбач, последний посетил внутреннюю тюрьму и провел общее собрание сотрудников внутренней тюрьмы, где он заявил, что хочет знать какие недостатки имеются в тюрьме. В своем выступлении говорил, что в тюрьме много больных, которых нельзя допрашивать. По окончании его доклада я первая выступила и стала указывать на недостатки и заболевания, а также о причинах заболевания. В своем выступлении я указала, что к нам много прислали из Сахалина с цингой, которая распространяется на почве питания. У нас же в тюрьме питание очень плохое, варят крупу, доливают водой, отсюда усиливается цинготность. Горбач не дал мне закончить свое выступление, оборвал меня, обозвал меня, что я распространяю контрреволюцию среди надзирателей тюрьмы, что это махровая контрреволюция, нам таких врачей не надо, без вас обойдемся и т.п. Я пыталась доказать ему свою правоту, но безрезультатно. После этого собрания все сотрудники тюрьмы от меня отвернулись и я ожидала не сегодня-завтра, что меня арестуют, но почему-то не арестовали".

И далее она приводит многочисленные примеры садистских методов избиения арестованных.

Большую роль в избиении советско-партийного аппарата Камчатки в 1937-1938 годы сыграл бывший начальник политотдела Крутогоровского рыбокомбината Савин, оказавшийся авантюристом. Работая начальником политотдела, Савин нарушал социалистическую законность и творил беззакония. Чтобы яснее и нагляднее было какую роль может сыграть в судьбе многих людей, воспользовавшись обстановкой, карьерист, проходимец и человек с авантюристическими наклонностями, следует на его деятельности остановиться более подробно.

В 1935 году по поручению обкома партии Военный прокурор погранвойск НКВД Баранов произвел расследование фактов о нарушениях Савиным норм социалистической законности. В своей докладной Баранов писал:

"Начальник политотдела Савин сам лично заводил уголовные дела, производил допросы подозреваемых и свидетелей.... в сентябре-ноябре 1934г. им было заведено несколько уголовных дел. Савин настолько "омилиционерился" и, забыв, что он является начальником политотдела, а не агентом уголовного розыска, производит допросы по всякому случаю. Так, например, 11 ноября 1934 года колхозник сельхозартели Петров обратился к Савину с заявлением о том, что киномеханик комбината взял у него цевье от дробового ружья, Савин пишет на заявлении: "Мелкович, вызвать сейчас же ко мне механика для допроса".

"Савин продолжительное время бомбардировал телеграммами обком ВКП(б), политсектор АКО, Облпрокуратуру и облсуд о необходимости применения репрессии к ряду рабочих, телеграммы шли вплоть до быв. Союзного прокурора т. Акулова ("т-ма т. Савина от 27.X.1934г.). Наконец, в Крутогорово выехал райпрокурор Тюменцев, быв. нач. РУМ Валов и уполномоченный РУМ Сукманов. Последний остался на комбинате (Тюменцев и Валов через несколько дней уехали) и начал по требованию Савина крычкотворствовать. Возбудив около 40 уголовных дел за всевозможные преступления. Ни одного человека по этим делам суду, конечно, не предал и они были прекращены производством, как неосновательно возбужденные. Этот же Сукманов по настоянию Савина произвел ряд неосновательных обысков рабочих.

Заслуживает немалого внимания факт существования "черной палатки" на Крутогоровском комбинате, в которую и начальник п/о Савин и директор комбината Беляков посылали людей под конвоем на "исправление", где рабочим выдавали по 200-300 гр. хлеба и больше никаких продуктов не выдавали.

Продержав на "исправлении" несколько суток (от 2 до 5), рабочих снова возвращали в кабинет. Часть этих рабочих как "исправившиеся" оставались работать на промысле, другие же увольнялись совершенно. Были случаи, когда в палатку посылали по 10 и больше человек. Например, пожарный Лаптев к концу сентября 1934 года отвел под конвоем в палатку сразу 12 человек. По распоряжению Савина в "черную палатку" в конце августа месяца 1934г. был направлен старший наставасаки Перевозников "за оскорбление инструктора п/о Шебельникова и "саботаж". Перевозников в палатке пробыл 2 суток и в течение этого времени получал 200 кг хлеба. В настоящее время продолжает работать на промысле".

Савин на разъяснении Комсода о том, как удерживать деньги за заём 2 года 2 пятилетки (где указывалось, что надо удерживать в течение 10 месяцев), написал резолюцию "отменяю". После своего поведения Савин объяснял тем, что такую резолюцию он якобы написал согласно требованию бывшего "белогвардейца" Голубятникова (бухгалтер комбината).

Савин буквально осаждал погранкомендатуру, присылая им людей на "исправление", а когда пограничники пытались возражать, он говорил: "Интересно знать, для чего Вы носите мундиры, что Вам тогда здесь делать?". В результате начальники погранкомендатур уступали и невольно становились на путь грубых нарушений социалистической законности.

Как говорится, дурной пример заразителен, метод "исправления" людей Савина позаимствовал и начальник политотдела Воровского рыбокомбината Григорьев, который на отказ уполномоченного морской пограничной комендатуры принять под арест присланных им рабочих, заявил:

"Какая там ревзаконность - посылаешь, значит для острастки нужно посадить, а если у Вас кормить их нечем, то я привезу вам пару мешков муки, пусть едят, ну и сидят".

Порой самоуправные действия приводили к печальным последствиям. В августе 1934 года директор Крутогоровского рыбокомбината, узнав, что надвигается шторм, запретил рыбакам выходить в море. Савин отменил приказание директора и, поглядывая на часы, дал команду:

"Если кто через 15 минут останется на берегу, тот будет уволен и выгнан с работы".

Боясь расправы, рабочие, конечно, вышли в море. Через полутора часа разыгрался шторм огромной силы, в результате один катер, 1 кавасаки и 3 кунгаса были разбиты.

Начальник политсектора АКО Орлинский в отношении Савина в ноябре 1936 года писал в политуправление Наркомата пищевой промышленности:

"Самым тяжелым сейчас для нас является политотдел Крутогоровского комбината в силу особенностей работы начальника политотдела тов.Савина. Тов.Савин сочетает в себе черты большой энергии и чрезвычайно неправильного, зачастую, использования этой энергии. После возвращения из Москвы, после моего посещения с т.Тороповым и с политработниками Крутогоровского комбината, можно было ожидать, что т.Савин понял две самые главные

свои ошибки, какие он допускает в своей работе. Он не стал администрировать и налег на формы массовой работы, вместе с этим стал более, если можно так выразиться, педагогически относиться к директору тов.Разгонову. В конце июня и в начале июля месяца мы могли констатировать сдвиги в работе политотдела Крутогоровского комбината. Вместе с т.Тороповым мы считали взаимоотношения директора и начальника политотдела отрегулированными. Тов.Савин лично нам на партийном совещании и на техническом совещании, если можно так выразиться, демонстрировал свою договоренность и говорили о сработанности на будущее.

Однако уже в конце июля и начале августа это было ими грубо нарушено. Тов.Савин обвиняет т.Разгонова в чуждости рабочему классу, в окружении себя чужаками, в хамском отношении к политотделу, в преступных методах работы. Здесь много правды, но вся беда т.Савина в том, что вместо борьбы с этими явлениями, через максимальное развитие партийной работы, ища в ней ключ к разрешению государственных задач, он только обвиняет, разоблачает. По существу всю работу он направил снова только к исканиям классового врага во всех процессах производства, сваливая всю ответственность на классового врага, в быту и т.д. При этом всякую частность он относит обязательство за счет директора. Этим самым худшие черты т.Разгонова только обостряются. Тов.Разгонов заявляет, что он находится под вечным, неустанным, тенденциозным контролем т.Савина, который "поддавливает" не только крупные, но и любые мелочи в его работе и их раздувает...

Я не хочу дублировать здесь известных вам многочисленных документов т.Савина. Он рассылает повсюду списки классовых врагов, срывающих, по его словам, работу комбината, так сказать помимо его самого. Он и т.Разгонов перенесли свои разногласия в партийную организацию, даже в массу. Савин обвиняет всех и вся, забывая при этом, что это третий директор, с которым он не может наладить работу. Савин буквально заваливает нас неправильными жалобами и разоблачениями. Как мы не стараемся в условиях тяжелой связи, после ряда поездок туда, по радио укрепить положение в Крутогоровском комбинате, дело не улучшается. Без преувеличения могу сказать, что т.Савин доставляет нам осложнений больше, чем все другие политотделы, взятые вместе.

Я думаю, что можно еще попробовать перевести т.Савина на другую работу, лучше всего мне кажется на хозяйственную. Если он не выдержит и этого испытания, тогда придется о нем вопрос разрешать более радикально. Таково мнение наше о т.Савине и я просил бы дать по этому поводу мне свое мнение и указание. Орлинский".

19 января 1937 года Савин посылает телеграмму на имя тов.Сталина следующего содержания:

"Москва, ЦК ВКП(б) товарищу Сталину!

Секретарь обкома Орлов, секретарь райкома Кольчугин взяли под свою защиту директора Крутогоровского рыбокомбината АКО Разгонова. Разгонов - кулак, обманым путем пролез

в партию, один его брат расстрелян за шпионаж, другой сбежал в Маньчжурию, остальные два тоже служили у белых. Этот Разгонов, пользуясь покровительством Орлова, Кольчугина, окружил себя группой классово-чуждых элементов, вместе с которыми тихой сапой изнутри разрушали комбинат, проводили вредительство. Бросали станки, болты, разъединили в заводе трансмиссию, перекрывали воду, идущую паровой котел завода. Выводили из строя водонасосные моторы, в результате промысла массовый ход рыбы, стояли вынужденно три дня, сознательно сгноили на 110 т.руб. крабовых сетей. Под видом негодного распорядились сжечь 400 ц. годного каната, стоимость его 75 тыс.руб., создали все условия расхищению товаров в складе, разворовано 468 тыс.руб.

Разгонов предложил кладовщику Рулеву работать вместе, за это списал ему растрату 50 тыс.руб. Разгонов своей группой чужаков, жуликов избивали рабочих кулаками, его помощник Брылев проломил рабочему голову рукояткой револьвера. Всего избивали 10 человек рабочих. Один администратор Штыкин убил на смерть одного рабочего топором.

Мне лично один рабочий Кожевников, идя мимо квартиры Разгонова, бросил в окно большим камнем, который пролетел четверть выше моей головы, словами: "Ах ты защитник рабочих, так на вот получай". Кожевников ранее судился, был приговорен к 10 годам тюрьмы, сейчас находится в бегах. Мер к Кожевникову не принято. Второй - Яковлев - кулак, сбежал из спецлагерей, придя в политотдел, замахнулся, хотел ударить меня железным тросом, удар отвели присутствующие в политотделе рабочие. Разгонов своей группой администраторов проводили возмутительную травлю 4-х стахановцев, также 4-х молодых инженеров за то, что они не соглашались на предложение Разгонова ориентироваться во вредительство, также давать на испорченную рыбу хорошие лабораторные анализы.

Разгонов и его группа (Брылев, Ванштейн, Архангельский, Романовский, Чаплинский, Бабич), ненавидя рабочих, мало того, что избивали их, но также называли рабочих огульно паразитами, сволочами, гадами, мерзавцами.

Мои сигналы в обкоме и райкоме рассматривают исключительно склокой, создали вокруг меня жуткую невыносимую атмосферу, прорабатывая меня на всех пленумах, совещаниях, областной газете как склочника, обывателя, партбилетом в кармане, бросая всюду реплики, что Савин помешался на классовых врагах, превратив меня в арену насмешек.

В личном разговоре с Орловым он меня обзывал склочником, ябедником, грозил вывести меня из состава члена пленума обкома, отнять партбилет.

Коммунистов, руководимой моей организации за выступление на партсобраниях с самокритикой, разоблачающей вредительскую деятельность группы Разгонова, травят. Так, парторга Крупнова за исключение Разгонова из партии (сейчас он Кальчугиним восстановлен) сняли с работы, других обвиняют двурушниками, рецидивистами, оппортунистами, савинцами.

Сейчас райпрокурор Тюменцев, расследуя изложенные мною факты следствия, полностью подтвердил, что обком эти факты всячески замазывает, хотят свести все склоки, поставив вопрос о моей партийности. Следственным материалам прокурора Тюменцева не верят, за это Орлов угрожает ему партийным билетом, запугивает снятием с работы.

Обращаясь к Вам, Иосиф Виссарионович, с просьбой придать моей телеграмме значение помочь мне довести дело до конца. Савин".

Указанные в телеграмме Савина лица впоследствии арестовывались органами, но потом дела на них были прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

В феврале месяце 1937 года Савин послал вторую телеграмму:

"Москва. ЦК ВКП(б), товарищу Сталину.

Сделав из процесса выводы, пришел к глубокому убеждению, что на Камчатке, благодаря забвению самокритики, отсутствию бдительности, либерализму к врагам, засорению командных постов троцкистами и другими чужаками, проводится практика при покровительстве Орлова, Адамовича, Торопова троцкистская японская политика.

Всею торговлей на Камчатке руководит сотрудник секретариата Троцкого - Смирнов, который перебрал с населения в счет льгот 25 млн. рублей, свои отделения засорил классово-чуждыми элементами, троцкистами.

Техническим снабжением руководит крупный заводчик Амбелекупоно, срывающий планы, не завозил в комбинаты баночек, угля, соли, тару, в результате заводы в путину консервируются, как это было в Крутогорове, Озерной, Пымте, Кихчике.

Отделом кадров АКО руководит троцкист Куликов, плоды его подбора кадров следующие: в центральном аппарате 85 человек классово-чуждых элементов, директорами комбинатов расставили утверждения Орлова, Адамовича, Торопова - Озерновском - граждан, кулак, белогвардеец; Большерецком - Морозов - рыбопромышленник; Усть-Камчатском - Бабенко, троцкист, Митогинском - Черняев - троцкист, Крутогоровском - Разгонов - кулак, сейчас Тороповым зачислен в резерв, третий месяц не за что платить ему зарплату - командировочные, Олюторском - Гольберг, белый офицер, Карагинском - Орлов - белый офицер, Пымтинском - Шижкин, исключенный из партии, ранее осужденный на 5 лет, троцкист, директор судоремзавода Рябов, его заместитель Макаров троцкист и т.д. и т.п. Орлов, Адамович, Торопов, окружив себя паутиной и лелея этот махровый букет, крепко ударили по карману государства, причинив за три года убыток более 100 млн. рублей, прикрывая это обманым путем специфическими условиями.

Сознательный незавоз запасных частей моторам приводило массовому консервированию заводов. На заводе Петропавловский порт угля так сейчас стоял в порту 8 месяцев 8 пароходов, бездействуют, ставили комбинату невозможность вывоза продукции, которая ежегодно остается на зиму, лежит под снегом, разлагается, гниет. Десятки тысяч центнеров сгнило в прошлом году, сотни тысяч центнеров лежит сейчас под снегом и разлагается.

Благодаря вредительству довели АКО до полного развала, денег сейчас на расчетном счету нет, зарплата в отдельных комбинатах рабочим не выплачивается 2-4 месяца, тем самым создали плохое политико-моральное настроение рабочих этих комбинатов.

На судоремонтном заводе явное вредительство. Построили его в болоте, открытом месте с моря, как нарочно для мишени дрейнутов, фундамент цеха построили вредительски, лучшие открытые места в бухте для этого оборонного завода не использовали.

Закупка Тороповым рыбфлота в Японии моему убеждению сделана вредительски, купленные катера, кавасаки построены на живую нитку, текут, без единой запасной части, многие уже вышли из строя.

Имею подобных фактов много, которые изложу в личном докладе секретарю крайкома Варейкису, Вам же, Иосиф Виссарионович, считаю своим долгом сигнализировать о тех крупных безобразиях, корни которых ведут к интересам Микадо.

Ведь порча продукции, срыв планов, неиспользование рыбных водоемов, растраниживание сотни миллионов рублей, допускать воровство и расхищение общественной собственности и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, как Вы, Иосиф Виссарионович, говорили, является политика не нашей партии, а политика врагов.

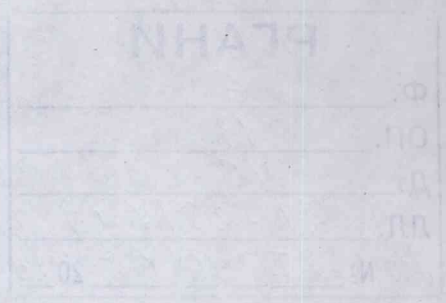
Орлов же, Адамович, Торопов проходят мимо подобных контрреволюционных безобразий. Они видят главное препятствие в политотделах, а не в этих врагах. Вот почему они с момента организации политотделом проводят антиполитотдельскую линию и дискредитируют политотдел.

Пару слов о работе НКВД - работает плохо, целину поднять боятся. Нити, ведущие вглубь неумелым следствием, прерывают, причина - семейственность.

Обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с просьбой вмешаться в это дело. Считаю его союзного значения. Ведь мы здесь живем на границе и враги стремятся пробраться во все щели. К сожалению, им это сделать пока не удастся, но я глубоко убежден, что этому будет положен конец.

Жду, Иосиф Виссарионович, вашей помощи и личного вмешательства.

Начальник политотдела Крутогоровского
рыбокомбината АКО-САВИН 9/П.1937г."

Начальник политуправления Наркомпищепрома СССР Корнюшин вместо объективной и справедливой характеристики, руководствуясь чувством перестраховки, охарактеризовал Савина как честного и принципиального руководителя.

Введенный в заблуждение, тов.Сталин И.В. 24 января 1937 года на имя секретаря обкома ВКП(б) т.Орлова, секретаря Хабаровского крайкома т.Варейкис и в копии Савину направил телеграмму следующего содержания:

"Секретарю обкома ВКП(б) Орлову,
копия: Начальнику политотдела Крутогоровского
рыбокомбината - Савину,
Хабаровск секретарю крайкома ВКП(б) Варейкис.

Получена жалоба товарища Савина о травле Савина и покровительстве Разгонова с Вашей стороны. Савин известен ЦК ВКП(б) как человек честный. Жалоба Савина производит впечатление объективного документа.

Просьба дать объяснение секретарю крайкома ВКП(б) т.Варейкис и ждите решения вопроса от края. Сталин. № 1439 от 22.1."

Вскоре после этой телеграммы состоялось бюро крайкома ВКП(б), где констатировалось, что Савин о творящихся якобы безобразиях на Крутогоровском рыбокомбинате направил 51 телеграмму, 12 политдонесений, 8 докладных записок, а руководители Камчатской области игнорировали эти заявления, изобразив Савина склочником и опорочивали его как работника.

В постановлении Далькрайкома ВКП(б) было записано:

1. Осудить поведение т.Орлинского и Орлова как ошибочное в отношении т.Савина.
2. Объявить выговор т.Орлову и Орлинскому за безответственное отношение к неоднократным сигналам и заявлениям т.Савина о хозяйственных преступлениях и враждебной подрывной работе троцкистско-белогвардейских элементов на Крутогоровском рыбокомбинате.
3. Освободить т.Орлова от обязанностей первого секретаря Камчатского обкома ВКП(б), отозвав его в распоряжение крайкома.

4. Рекомендовать и.о. первого секретаря Камчатского обкома ВКП(б) тов.Никонова.
5. Освободить т.Никольского от обязанностей редактора Камчатской правды, отозвав его в распоряжение крайкома ВКП(б).
6. Обязать Камчатский обком ВКП(б) и Политсектор АКО и проверить кадры аппарата АКО и рыбокомбинатов, в особенности отделы продовольственного и производственного снабжения, очистив их от враждебных элементов и внести в краевой комитет ВКП(б) в июле месяце свои предложения".

В мае 1937 года САВИН избирается 2 секретарем Камчатского обкома ВКП(б). Пользуясь своим положением, САВИН создал такую нездоровую обстановку, что десятки честных преданных коммунистов оказались исключенными из партии. О деятельности САВИНА красноречиво говорят свидетельские показания.

Так, бывший секретарь Камчатского обкома ВКП(б) КУТЕЙНИКОВ Василий Иванович, 10 сентября 1939 года показал:

"За период работы САВИНА, исполняющего обязанности секретаря Камчатского обкома ВКП(б), из рядов партии было исключено 190 человек. Дело избиения партийных кадров зашло так далеко в Камчатской парторганизации в то время, что отдельные коммунисты, в том числе и сам САВИН на собраниях называли друг друга врагами народа, а поэтому в организации царило недоверие друг другу. Из рядов партии исключали пачками коммунистов с формулировкой "за связь с врагами народа" без наличия достаточных материалов к этому.

Избиение партийных кадров САВИН проводил до дня моего приезда, под лозунгом, что в Камчатской организации больше врагов, чем честных коммунистов и работников, объясняя это тем, что у руководства были враги народа, ныне арестованные органами НКВД (Орлов, Орлинский, Торопов и др.), а большинство работников были их ставленниками и под их руководством работали.

В ноябре месяце 1937 года в Петропавловске проводилось собрание комсомольского актива, на котором председательствовал САВИН и при его личном участии на этом активе было огульно изгнано из рядов ВЛКСМ и объявлены врагами народа 21 человек членов ВЛКСМ, без всякого на это основания. Большинство из них впоследствии были реабилитированы.

На Камчатку я прибыл для работы в должности и.о.первого секретаря обкома в марте 1938 года, к тому времени в обкоме имелось большое количество апелляций о неправильном исключении

из рядов ВКП(б), за период работы секретарем обкома САВИНА. В результате все апелляции коммунистов мною были поставлены на рассмотрение бюро обкома и из них было восстановлено в партии около ста человек.

Бывший зам.редактора газеты "Тихоокеанская звезда" ЧЕРЕДНИЧЕНКО П.Е. на допросе 10 августа 1939 года показал:

"На Камчатку в качестве спецкора я прибыл в сентябре 1937г. Савин был в это время утвержден вторым секретарем Камчатского обкома. Вскоре первый секретарь обкома Никонов был арестован и все руководство перешло к САВИНУ.

Одним из ярких фактов вражеской деятельности САВИНА я считаю избивание им партийных кадров. Это носило форму тщательно подготовленной компании по разгону парторганизации Камчатки. Мне, например, известно, что САВИНЫМ было составлено несколько списков "подозрительных коммунистов". Эти списки были вручены инструкторам обкома и по ним САВИН требовал подобрать материал для исключения того или иного коммуниста.

Были на бюро неоднократно такие случаи, когда, например, быв.зав.ОРПО Ершеч не мог собрать дискредитирующих материалов на коммунистов, указанных в списке, тогда САВИН на него обрушился со словами: "Не хочешь подбирать материалы, тогда мы на тебя составим дело. Мягкотелым не место в партии". Вскоре ЕРОШЕК был с работы снят и исключен из партии. Затем был назначен новый зав.ОРПО тов.Папенков. К нему предъявлялись те же требования. Его также несколько раз брали на испуг, угрожали исключением из партии за неумение готовить дела к исключению коммунистов.

В результате такой политики САВИН добился по всей Камчатке чудовищного разгона партийных рядов. На бюро САВИН исключал коммунистов пачками по 20-25 человек. Причем, при исключении партийные билеты отбирались преждевременно до принятия решения, а коммунистам не давали говорить совершенно. Все коммунисты, сдав партийные билеты, выпроваживались за дверь и в их отсутствии решался вопрос об исключении".

Бывший секретарь парткомиссии Камчатского погранотряда Мейя А.Ф. на допросе в декабре 1939 года показал:

"В 1937 году я работал секретарем парткомиссии Камчатского погранотряда, примерно в ноябре 1937 года меня вызвал

к себе быв. секретарь Областного комитета ВКП(б) САВИН. Когда я пришел к нему, он стал говорить мне, что особенно засоренная преступным элементом партийная организация погранотряда, что там имеется вредительство и т.д., не работает клуб, этому всему виновата парторганизация. Приводил пример: командир мангруппы ВОЛКОВ быв. белобандит, КАЖУЛ б/белый, ОСТАПЕНКО-пьяница и других, которых фамилий не помню. И заявил, что с парторганизации мангруппы нужно исключить не менее 50% членов ВКП(б), заявил, что если бы там я побыл два-три дня, я нашел там все и вредительство и другие неполадки. Я ему сказал, что мне о засоренности парторганизации мангруппы преступным вредительским элементом неизвестно и таким огульным подходом исключения из партии 30-50% я заниматься не буду и никто не имеет на это право. САВИН мне ответил, что вы мало работаете и плохо знаете".

Впоследствии был арестован и МЕЙЯ, но в 1939 году дело на него было прекращено.

В июне 1938 года САВИН в своей докладной записке на имя начальника УНКВД по ДВК писал о необходимости репрессии прокурорских работников.

"Бывший обл. прокурор ЗВЕРЕВ прибыл на Камчатку 7 августа 1935 года и уже 15 октября 1935г. по предложению врага народа ОРЛОВА (бывший секретарь обкома партии) ЗВЕРЕВ был кооптирован в состав пленума обкома партии и введен в члены бюро обкома ВКП(б) весь состав бюро обкома, в котором состоял ЗВЕРЕВ, за исключением ЗВЕРЕВА, арестован за шпионаж и вредительство).

Работая около двух лет в этом вражеском составе бюро обкома партии, ЗВЕРЕВ вместе с ними проводил вражескую троцкистско-бухаринскую линию, всячески покрывая в своей работе вражеские элементы - правых троцкистов, эсеров, кулаков и белогвардейцев. В этих целях Зверев и укомплектовал прокуратуру вражескими и разложившимися элементами, из которых сейчас 5 человек арестованы органами НКВД, в том числе: Куманев - пом. обл. прокурора, Ямпольский - следователь Облпрокуратуры, Тюменцев - прокурор Большеерецкого района, Гайдио - врид. прокурора Большеерецкого района, ИГНАТОВ - следователь райпрокуратуры Олторского района. Кроме этих прямых врагов со ЗВЕРЕВЫМ работали: ФОМИН - пом. обл. прокурора, который занимался контрреволюционной агита-

цией и отпущен ЗВЕРЕВЫМ с Камчатки с целью спасения его от суда и ареста; Давкшас, приехавший в 1918г. из-за границы, по его словам, был в плену у Колчака и работал на Дальнем Востоке на территории, занятой японцами и бело-гвардейцами, с начала 1919 года по конец интервенции; ПИКУРИН - прокурор Олоторского района, на глазах которого враги народа на протяжении трех лет разрушали социалистическое хозяйство, травили, убивали националов и проводили контрреволюционную агитацию, а ПИКУРИН вместо борьбы, беспробудно, вместе с врагами, пьянствовал и их покрывал; АЛЕКСЕЕВ - прокурор Усть-Камчатского района, занимался пьянством, с ведома ЗВЕРЕВА в 1936 году прекратил 75 дел, всех вредителей в районе покрывал, сам в 1936г. неоднократно приезжал в район к АЛЕКСЕЕВУ, вместо борьбы с врагами, два дня жил на японском заводе, вместе с представителем Главрыбы, ныне арестованным как враг народа ГАСТЕВЫМ. Это в то время, когда ЗВЕРЕВ, пользующийся секретными документами и шифром, по инструкции не имел никакого права появляться на территории, занятой японцами.

Доказательством преданности ЗВЕРЕВА шпиону АДАМОВИЧУ и его банде служит и следующий факт, что во время похорон АДАМОВИЧА (АДАМОВИЧ покончил жизнь самоубийством), решением областной партконференции было запрещено всем коммунистам принимать какое бы то ни было участие в похоронах, но вопреки этому решению ЗВЕРЕВ с Бобыкиным, вместе с быв. председателем Облисполкома, врагом народа МЕЛЬНИКОВЫМ, на легковой машине догнали грузовик, на котором везли тело врага народа АДАМОВИЧА, объехали кругом грузовика с прощальным салютом и вернулись к себе на службу.

В заключение сообщаю, что ЗВЕРЕВ остался в партии и не арестован только потому, что его спас бывший секретарь обкома, враг народа Никонов и бывший краевой прокурор - враг народа ЧЕРНИН. Первый исключил его из партии за один факт - смазывание разгоновского дела, которое он в крайсуде частично опровергнул, а ЧЕРНИН принял его на работу к себе в аппарат в качестве пом. крайпрокурора.

Такая же вредительская практика проводилась ЗВЕРЕВЫМ и на работе в Сахалинской области, где также вольготно чувствовали себя японские шпионы, диверсанты и вредители, откуда ЗВЕРЕВ приехал на Камчатку.

При этом прилагаю ряд материалов, раскрывающих истинное лицо ЗВЕРЕВА и прошу Вас срочно решить вопрос о ЗВЕРЕВЕ.

Секретарь Камчатского обкома ВКП(б) - САВИН.

29.1У-1938г."

Бывший секретарь Усть-Большерецкого райкома ВКП(б) КОЛЧУГИН Л.Д., будучи арестованным, писал в своем заявлении:

"В августе 1937 года САВИН телеграммой потребовал моего исключения из партии... В феврале 1938г. я был вызван свидетелем, на суде дал объективные показания, ибо дело Мурата и Кузина было искусственно натянуто. Суду мои показания оказались не по вкусу. Частным определением суда я признан соучастником и в районе, где я 4 года работал первым секретарем райкома партии, заключен под стражу "как не имеющий места жительства и рода занятий". Суд объявил меня бродягой, опубликовав это в печати. Так был найден повод для моего ареста. По прибытии в область я попал в руки Лепина... меня больного и разбитого дорогой, 7 суток держали на конвейере.

Вскоре Лепин был арестован. Приехал новый бандит и провокатор ДАВЫДОВ. 19 мая в 11 часов дня 1938г. я был заведен в кабинет следователей и выведен из него 26 мая в 1 ночи. Допрос продолжался 7 суток и 13 часов, т.е. 181 час.

В течение допроса я сидел на кончике, избивался, сутками мне не давали пищи и воды. Я был доведен до невменяемости. Воля сломлена, силы и рассудок потеряны. В последние минуты я решил, что нужно писать, чтобы не быть убитым... в невменяемом состоянии я писал показания по требованию и под диктовку, чтобы остаться живым и иметь возможность рассказать советскому суду о подлых целях САВИНА и ДАВЫДОВА.

В начале допроса ДАВЫДОВ мне заявил: "Не уйдешь из кабинета, пока не напишешь того, что нам нужно, кровью заставлю писать". От меня требовали вербовки до 30 работников в несуществующую право-троцкистскую организацию, которую хотел в Большерецком районе организовать САВИН и ДАВЫДОВ".

Савин, выступая в мае 1938 года на третьей городской конференции, говорил:

"Я не хочу сказать, что у меня не было ошибок, я как секретарь бюро обкома допустил много ошибок. Обстановка была такова, что из избранных на второй областной партконференции в состав обкома ВКП(б) из 27 членов пленума, 15 человек оказались врагами народа, из 9 членов бюро оказались разоблаченными

8 человек, ревкомиссия оказалась вражеской на 100%. Вместо одного врага, стоящего во главе обкома, враг народа ВАРЕЙКИС, прислал другого врага НИКОНОВА. Обком после пленума все свои решения пересмотрел и всех неправильно исключенных, более 20 человек восстановил. Также пересмотрели свои решения райкомы и горком, отменили свои решения о неправильно исключенных первичными парторганизациями. Всего по области восстановлено в партии 54 человека.

Клеветники были, которые писали клеветнические заявления (Ястребов - оклеветал 52 человека, Шлидман - 25 человек и человек 50 оклеветано в газете "Камчатская правда"

То, что некоторые выступавшие товарищи говорили, что Савин давал установку и контрольные цифры для огульного исключения (исключили 100, будем еще исключать 200), - это неверно".

В декабре 1938 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о снятии Савина с работы и о привлечении его к уголовной ответственности.

В постановлении Камчатского областного комитета ВКП(б) от 11 декабря 1938 года записано:

"Савина Петра Федоровича вывести из состава пленума и бюро Камчатского областного комитета ВКП(б) и исключить из партии как врага народа".

После этого Савин был арестован и привлечен к уголовной ответственности, но в 1941 году был освобожден, в 1956 году умер.

Кроме изложенного, о причинах, способствующих нарушению социалистической законности в период после 1937 года говорится и в "Истории партии".

"И.В.Сталин выдвинул в 1937 году...ошибочный тезис, будто по мере дальнейшего продвижения Советского государства вперед, классовая борьба в стране должна все более обостряться... На практике, он послужил обоснованием массовых репрессий против политически разгромленных идейных противников партии. Репрессиям подверглись также многие честные коммунисты и беспартийные, которые ни в чем не были виновны. Нарушения социалистической законности и массовые репрессии нанесли серьезный ущерб Коммунистической партии.

- 25 -

В этот период пробрался на ответственные посты в государстве проходимец, политический авантюрист Берия, который в своих преступных целях не останавливался ни перед какими злодеяниями и используя личные недостатки Сталина, оклеветал и истребил многих честных преданных партии и народу людей. В тот же период позорную роль сыграл Ежов, находившийся на посту народного комиссара внутренних дел. При его участии были оклеветаны и погибли многие преданнейшие делу партии работники, коммунисты и беспартийные. За свою преступную деятельность Ежов и Берия понесли должное наказание". (История КПСС, стр.484).

Обзорную справку составил:

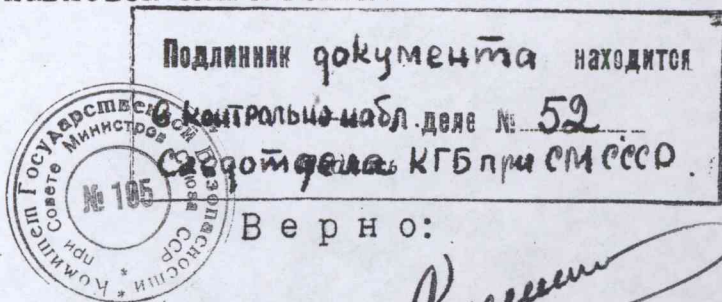
СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
УНГБ при СМ СССР по КАМЧАТСКОЙ ОБЛ.

капитан

- ПМЕЛЕВ.

18 марта 1960г.

гор. Петропавловск-Камчатский.

П. Кошелев
(Кошелев)

